

Николай Богатырёв

Обратная сторона

“Другой мир оказался буквально на расстоянии протянутой руки с моим миром, столкнувшись с ним так убедительно, что следы столкновения оставались на лице ещё недели три...”

“Неуловимое, несказанное, а может – и несуществующее, встретилось со мной в реальном мире...”

“ Я замедлил шаг и всмотрелся в находку мусорщиков. Их руки держали старинное тёмного дерева резное распятие...”

Николай Богатырёв
Обратная сторона

«Издательские решения»

Богатырёв Н. Р.

Обратная сторона / Н. Р. Богатырёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980344-3

Эта книга о жизни и смерти во всех их многоликих проявлениях. Несмотря на кажущуюся фантастичность описываемых событий, в ней нет ни слова выдумки. Автор стремится точно описать прожитое в надежде понять то, в чём наука и логика бессильны. Помимо описания странных и загадочных случаев, эти очерки позволят читателям почувствовать вкус и свежесть детского восприятия, давно забытого во взрослой повседневности.

ISBN 978-5-44-980344-3

© Богатырёв Н. Р.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Непонятная картина	7
Рептилия	8
До шести и после шестидесяти	9
То дерево	12
Миры	14
Послушный Серёжа	17
Имя	18
Нарисованная бездна	20
Мосты	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Обратная сторона

Николай Ростиславович Богатырёв

«Когда я смотрю на свои работы, мне кажется, что меня со всех сторон окружает тайна, и в мире нет ей разгадки.»

Рене Магритт

© Николай Ростиславович Богатырёв, 2020

ISBN 978-5-4498-0344-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Дорогой читатель, зная твою занятость и спешку, буду краток.

Наблюдения и зарисовки в этой книге охватывают период от 1960 до 2020 года. Часть описанных событий происходила в дальних окрестностях г. Сочи – известного и столь желанного для многих курорта и лечебницы на сероводородных источниках. Однако эти места оставались глубокой глушью, стоило лишь отъехать, а то и отойти, от сверкающих колонн ваннных зданий, санаториев и театров. А действие других рассказов разворачивалось в Англии – в пригороде тоже известного курорта Бат (Bath Spa), основанного ещё древними римлянами на горячих источниках. Географические названия, имена и фамилии, которые появляются в тексте, тоже подлинные. Быть может кто-то узнает себя, своих близких, соседей, знакомые места или события.

Я всю жизнь работал в области науки и техники и привык к точным наблюдениям и достоверным выводам при изложении фактов. Я учу этим навыкам студентов и стараюсь сам педантично следовать научному взгляду на то, что вижу вокруг. Поэтому мои короткие очерки не содержат ни слова вымысла: у меня не было нужды приукрашивать свои наблюдения, так как жизнь всегда превосходила все самые смелые фантазии. Значимость, многозначность и фантастичность уникальных событий и их взаимосвязей, которые видны по прошествии лет, зачастую оказываются гораздо удивительнее любой выдумки.

И хотя эти рассказы говорят, казалось бы, о разном, все они, по-моему, посвящены одному – попытке нащупать границы того, что принято называть зыбким словом «реальность». Сегодня наши устоявшиеся представления о мире утрачивают прежние рамки своих привычных форм. С неизбежностью возникает потребность задуматься об образах этой реальности – о видимом и невидимом.

В поиске истины учёные требуют повторного её проявления для того, чтобы доказать достоверность своих умозаключений. Между тем, возможность воспроизвести что-либо в Жизни выпадает нечасто. Впрочем, и сама Жизнь как явление на этой планете известна нам лишь в единичном проявлении, что не мешает считать её достоверным фактом и изучать самыми разными науками. Смерть же остается загадкой и неподвластна научному мышлению. Многоликая, разнообразная и уникальная жизнь, идя рука об руку с такой же многоликой и неотвратимой смертью, выравнивает всех на бесконечной дороге Времени... И я делаю попытку не то, чтобы «остановить мгновенье», а попытаться как можно точнее описать увиденное и прожитое в надежде хоть что-то понять там, где наука и логика бессильны. Иными словами, быстро и ловко заглянуть за обратную сторону зеркала, чтобы успеть увидеть свой затылок...

Возможно эти очерки вызовут у вас сходные ощущения, воспоминания и чувства, а быть может – и натолкнут на какие-то свои собственные догадки, находки и озарения.

В заключение, благодарю тех, кто уверил меня, что этими рассказами следует поделиться с широким кругом людей и опубликовать: друга Жана Лепринса, жену Ольгу и подругу Людмилу Семенову.

Н. Р. Богатырёв, г. Бат, Великобритания, 2020 г.

Непонятная картина

На всех стенах в нашем доме были развешаны картины: отец был профессиональным художником. Пейзажи были особенно хороши. Уверенная, точная, смелая кисть запечатлевала всё без отвлекающих деталей, при этом прекрасно передавая настроение.

Картины были понятны: бухта Песчаная на Байкале, старенький сарай на берегу речки в Подмосковье, залив в деревне на Каме, пейзажи Крыма. Я знал каждый кусочек этих полотен и, тем не менее, любил подолгу всматриваться в изображения этих мест, где, судя по рассказам родителей, они повстречались и бывали ещё до того, как я появился на свет.

Однако в коридоре на торце хозяйственного стеллажа была ещё одна картина, которая совершенно выбивалась из ряда остальных полотен... «Может, её и повесили сюда, поскольку она совсем не похожа на остальные картины?!» – думал маленький Коля. Я всматривался в густые мазки на небольшой плоскости и не мог разобрать – что же именно изображено на картине? Мне чудились то фигуры людей, то дождливая ночь и фонари, то что-то ещё... Удивительно, но мне не приходило в голову *спросить* отца, что же изображено на картине?! И я продолжал разглядывать странное изображение.

Но однажды я вырос и, поглядев на кусок промасленной фанеры, понял, что это – старая отцовская палитра с засохшей краской. Я снял палитру с гвоздя, повертел в руках... Мы даже поговорили о ней с отцом. Он на долгие годы оставил живопись и вернулся к ней только под конец своих дней. А когда снова стал писать картины, то выбросил эту старую палитру и обзавёлся новой...

Сейчас я вспоминаю ту «непонятную картину» с грустью и теплотой. А иногда мне кажется, что как отдельный человек, так и всё человечество зачастую всматривается в то, что способны увидеть их глаза – землю, небо, природу, людей, напряженно пытаясь понять: что же проходит перед его взором? А потом вдруг понимает, что это – просто «случайное сочетание», нагромождение «красок», событий, процессов и явлений... – Ну что ж... И такое может быть, да и, наверное, происходит постоянно... Вот только... где тот ХУДОЖНИК, который использует эту палитру, имя которой – весь наш Мир??? И ГДЕ ЖЕ те картины, которые он пишет? А может, те картины уже давно написаны, «палитра» просто повешена на гвоздь, и краски постепенно стекают, высыхают, коробятся, тускнеют, а мы самонадеянно именуем то, что видим перед глазами, «картиной Мира»?

Рептилия

«... Успеть... Надо успеть... Надо успеть пока не поздно... Надо успеть записать, что со мной случилось – пока ещё не поздно!...»

... Вот уже пот выступает на лбу... Кожа немеет... Все остальные хорошо известные симптомы начинают проявляться один за другим...

Примерно так могла бы закончиться ловля ядовитых змей, ускользнувших из серпентария в заповеднике в Туркмении... Но мне повезло, и я сумел избежать смертельного укуса. Однако, мне повезло дважды: в то же лето 1977 года я избежал укуса и крупного варана – огромной, удивительно красивой ящерицы с тигровой окраской тела, когда в том же заповеднике ловил её на дальнем кордоне Акар-Чешме чуть позже...

Все хорошо знают о смертельных и быстродействующих ядах змей. Но мало кому известно, что укус ящериц некоторых видов – в том числе варанов – тоже может оказаться смертельным, хотя и действует он гораздо медленнее яда гюрзы или кобры...

Небольшая ядовитая ящерица или гигантский варан, укусив жертву (а она бывает значительно больше него, например, буйвол), неотступно следует за ней, при этом время от времени пробуя на вкус свою будущую трапезу раздвоенным языком... Проходит день или два, слабеющая жертва тщетно пытается отогнать, тем или иным способом избавиться от варана... Но хищник спокойно и терпеливо ждёт, подступая всё ближе и ближе... Иногда собирается целая стая ядовитых голодных ящеров, которые располагаются кольцом вокруг буйвола или оленя... Бывает, что обречённое животное пытается из последних сил отбиться от осмелевших рептилий, но – тщетно: *дни жертвы сочтены...*

У меня нет желания следить, но и невозможно не замечать едва слышимый шорох невидимой и неведомой рептилии, которая всё сужает круги, двигаясь вокруг каждого из нас... За годы она успела не раз нанести (и продолжает наносить!) мелкие укусы, которые не оказались смертельны, но, как и в случае с буйволом, *дни человека – сочтены...*

И я пытаюсь понять, как называется эта *рептилия* – Смерть или... Жизнь???...

«... Успеть... Надо успеть... Надо успеть пока не поздно... Надо успеть записать, всё, что со мной случилось – пока ещё не поздно!... Успеть записать...»

До шести и после шестидесяти

Ноги вязли в мелкой светло-серой горячей пыли и спотыкались о камни того же цвета. В сандалиях шуршали песок и та самая пыль. Белая панамка уже не спасала от нестерпимой жары, от которой было невозможно нигде укрыться, возвращаясь домой по грунтовой дороге вдоль речки. У обочины обречённо кивали головами пожухлые стебли трав, серые от пыли, которую поднимали изредка проезжавшие грузовики с лязгом и грохотом на ухабах.

До дома оставалось совсем близко, но в такие минуты всегда кажется, что эта дорога не закончится никогда.

Однако, оставалось время подумать... Оставалось время подумать о том, как пройдёт жизнь, которая, только начавшись, уже явно сулит грядущие сложности, необъяснимо похожие на дорогу, по которой я брёл, приближаясь к дому. «Ну, хорошо», – думал я. – «Мне уже скоро семь лет, и, кажется, прежняя привычная, осмысленная жизнь заканчивается». Я понимал, что времени для пристального наблюдения, вдумчивого размышления или обстоятельного разговора в будущем может просто не хватить... «Впереди – школа, которая, конечно, важна и необходима. Но там же всё будет отвлекать от *главного*... После школы, видимо, предстоит учёба в вузе или работа. Это, конечно же, тоже важно и нужно. Но будет ли оставаться время на *главное*?» Крикливость школы и напряжённая насыщенность жизни в вузе вызывали обоснованную настороженность. Дальнейшая жизнь просматривалась плохо, но было ясно, что и она будет наполнена постоянными обязанностями, работой, вероятно – семьёй, и снова я чувствовал: будет ли время задуматься о *главном* – когда я снова смогу погрузиться в *свой* мир, чтобы попытаться понять мир *окружающий*?

Я знал, что взрослые – те, кому удалось дожить – выходили на пенсию в шестьдесят лет... Видимо, тогда останется сколько-то времени, чтобы успеть подумать... Однако от шести до шестидесяти предстояло прожить, невзирая на пыль, невыносимую жару, грохот грузовиков, песок в обуви и камни на дороге прежде, чем я снова попаду прохладе дома, окружённого зеленью сада и окажусь среди близких людей...

И всё же, надо признать, мне действительно повезло. Первые лет семь моей жизни у меня перед глазами проходили, сменяя друг друга, удивительной красоты картины:

Холмы, покрытые непроходимой чащей тёмно-зелёного леса, среди которого виднеются деревни и городки. Попадают и отдельные домики скрытые зеленью. Осенью начинаются затяжные дожди, а когда они стихают, над лесом поднимается туман, который смешивается со сладким древесным дымком. Это кто-то подложил в печку дров и смотрит на мерцающие угольки... Те склоны, что не слишком крутые, возделаны под плантации... А где-то недалеко за горой лежит вечное море, и ветер часто доносит его запах... А стоит лишь перейти от дремучего леса к дремлющему городу, как зелёная чаща леса распадается на парки и скверы, живые изгороди и клумбы. Крутые склоны опоясаны подпорными стенками с арками, вазами и маскаронами из песчаника всех оттенков. Тут и там среди крон виднеются балюстрады и каскады лестниц, террасы и ротонды, фонтаны и статуи. А центром города по праву считается грандиозное ванное здание с коринфскими колоннами античной архитектуры – бальнеологический курорт, где целебные минеральные воды нашли выход из недр и привлекают людей со всего мира.

Вот только те люди, кто оказываются рядом, не всегда бывают мне понятны... То жильцы из дома напротив устроят скандал безо всякой

причины, то соседские дети начинают ссориться без малейшего повода, то ветер доносит безумные крики с ближней лужайки, где крепкие дядьки без усталости гоняют кожаный мяч...

Но часто... Очень часто я слышу речь на чужих языках, которых я не знаю. А то, что я могу разобрать, не всегда оказывается понятным даже на родном языке. И тогда, вернувшись домой, я распахиваю окно, и когда взгляд углубится в зелёные густые вечно-подвижные кроны деревьев, а ум устремится вглубь самого себя, тогда наконец приходят мысли о главном...

А пока я продолжал плестись по пыльной дороге, задыхаясь от зноя. Вот опять меня обогнал громахающий бортами и цепями грузовик, обдав шлейфом мелкой пыли... Я зажмурил глаза, отворачивая лицо, и задержал дыхание насколько мог выдержать...

Наконец, снова вдохнув и открыв глаза, я понимаю, что мне – уже шестьдесят лет и вижу, что я стою на том же месте, где более полувека назад меня настигла та невесёлая мысль. Дорога, однако, оказалась покрыта асфальтом, похоронив камни, пыль и придорожную чахлую травку. А вот почти пересохшая речка всё так же тихо лопочет, прыгая по камням. У воды выросли новые прибрежные кусты, а солнце так же припекает, как и много лет назад...

Вспомнив минувшие десятилетия, я убеждаюсь, что мои догадки оказались верны. Позади остались годы, заполненные серой пылью необъяснимых обязанностей и неотложных дел (которые не приводили ни к чему, но их надо было выполнять), грохотом и лязгом порожних грузовых вагонов на Транссибирской магистрали, что проходила под окнами, которые, даже плотно закрытые, не спасали от всепроникающей неистребимой серой пыли, а летом стояла нестерпимая жара, и от неё было невозможно нигде укрыться...

И всё же надо признать: мне действительно повезло – жизнь неожиданно повернулась так, что мой дом оказался на юго-западе Англии в древнем городе-курорте, где я поселился и где у меня перед глазами проходят, сменяя друг друга, удивительной красоты картины:

Холмы, покрытые непроходимой чащей тёмно-зелёного леса, среди которого виднеются деревни и городки. Попадаются и отдельные дома скрытые зеленью. Осенью начинаются затяжные дожди, а когда они стихают, над лесом поднимается туман, который смешивается со сладким древесным дымком. Это кто-то подложил в камин дров и смотрит на мерцающие угольки... Те склоны, что не слишком круты, возделаны под плантации... А где-то недалеко за холмами лежит вечный океан, и ветер часто доносит его запах... А стоит лишь перейти от дремучего леса к дремлющему городу, как лес превращается в парки и скверы, живые изгороди и клумбы. Крутые холмы опоясаны подпорными стенками с арками, вазами и маскаронами из песчаника всех оттенков. Тут и там среди деревьев виднеются балюстрады и каскады лестниц, террасы и ротонды, фонтаны и статуи. А в центре города высится грандиозное здание с коринфскими колоннами античной архитектуры – древне-римские бани – бальнеологический курорт, где целебные минеральные воды нашли выход из недр и привлекают людей со всего мира.

Вот только те люди, кто оказываются рядом, бывают не всегда мне понятны... То в доме напротив вспыхивает скандал безо всякой причины, то соседские дети начинают ссориться без малейшего повода, то слышатся безумные крики с дальней лужайки, где крепкие дядьки без усталости пинают кожаный мяч...

Но часто... Очень часто я слышу речь на чужих языках, которых я не знаю. А то, что я могу разобрать, не всегда оказывается понятным даже

на родном языке. И тогда, придя домой, я подхожу к окну, и когда взгляд углубится в зелёные вечно-подвижные кроны деревьев, а ум погрузится вглубь самого себя, тогда наконец приходят мысли о главном...

То дерево

Каждый год, возвращаясь в дом на Мацесте, я узнавал давно знакомые мне места – подступавшие вплотную к дому горы и лес, который покрывал их непроходимой стеной. Сплошной полог крон напоминал, пожалуй, пористую губку – столь плотна и непроходима была чаща, густо заросшая ежевикой. Глядя издали, выделить отдельные деревья было просто невозможно. Но, даже если это и удавалось, то различить и запомнить их было трудно и, вернувшись почти через год, а иногда и больше, вспомнить «в лицо» какое-то *дерево* было невыполнимо.

Но на одном склоне высоко над пологом леса возвышалось дерево – засохшее, частично заплетенное плющом и воздевающее к небу сухие ветки словно руки. Заметить, запомнить и... подружиться с ним было так легко и естественно. Каждый год, приезжая в эти места, я чуть ли не прежде всего здоровался с деревом, молча приветствуя и молча же улыбаясь старому другу. У дерева появилось имя. Я называл его просто – То Дерево. Окидывая взглядом горы и лес, я всегда кивал и пристально рассматривал То Дерево, и оно тоже приветственно вздымало ветви.

Особенно трудно было оторвать от него взгляд, когда шел дождь или над невидимыми лесными оврагами поднимался туман... Когда же осенью, иногда глубокой осенью, я уезжал – я прощался с Тем Деревом, стараясь удержать в памяти все извивы ветвей моего друга, обещая непременно вернуться и – всегда возвращался. И каждый год после долгой зимы мы с восторгом встречались, посылая друг другу безмолвные знаки привязанности: я улыбался Тому Дереву, а То Дерево ликуя воздевало ветви.

Однако наше общение всегда проходило на большом расстоянии: добраться до Того Дерева было немислимо через непроходимую чащу, колючки и по почти вертикальному склону с осыпающейся под ногами землёй.

Но время шло... Я рос и лет в 15—17 стал бродить по редким лесным тропам, которые проложили и поддерживали местные жители. Однажды мне удалось свернуть с тропы, и буквально через несколько шагов я столкнулся со своим другом – Тем Деревом... Это было шокирующе-неожиданно для нас обоих... Мы впервые повидались вблизи.

Шли годы... Кругом многое изменилось... Люди, жившие по соседству, уезжали, старели, умирали, появлялись новые лица. Лишь только лес и То Дерево стояли неизменно, убеждая меня, что так всегда было и, конечно же, будет всегда.

Но однажды я приехал в эти места, где каждый камень был мне знаком и знаком и, приготовившись улыбнуться Тому Дереву, ... не увидел его. Напрасно я всматривался в горы, покрытые лесом. Того Дерева не было... Я испытал то же самое, как если бы исчез, ушел, умер старый проверенный друг... Я по-настоящему ощутил утрату. И в этот момент я понял, что что-то в моей жизни закончилось, осталось навсегда в прошлом... То Дерево умерло уже окончательно, хоть и было мертво давно, давая, тем не менее, приют, корм и поддержку несметному числу существ – реальных и сказочных, как я догадываюсь... Так закончило свою жизнь То Дерево... Не так ли и мы живём ещё какое-то время в памяти людей после нашей кончины? Подаём кому-то поддержку, безмолвно приветствуя живущих, шлем надежду, улыбаясь с потускневших фотографий?

Но история на этом не заканчивается. Жизнь катилась, принося радости и круша на своем пути многое, что представлялось незыблемым. Я на долгие годы оставил те места. Часто мне приходила в голову мысль, что вообще мне больше никогда не удастся оказаться в тех краях. Но судьба сделала поворот и сложила мозаику событий самым невероятным образом – так, что я снова оказался на Мацесте... Тридцать с лишним лет пролетели почти незаметно. Приехав ранней весной и стоя в номере маленькой гостинички, я глядел на окрестные горы, покрытые

лесом, пристально всматриваясь в плотную щётку деревьев... Был полный штиль, ясный солнечный южный весенний день... Ни один листок ни на одном дереве не шевелился. Я мысленно здоровался с лесом, напряженно вспоминая своего старого друга – То Дерево, которое я помнил во всех деталях, как и наши ежегодные встречи и расставания. Конечно же, от него не осталось и пыли, но оно возродилось в неизменном лесе. Взгляд продолжал скользить по кронам деревьев и по округлым формам гор. И вот на вершине самой близкой горы среди застывшего неподвижного леса одно дерево вдруг принялась раскачиваться, как во время бури... Это длилось несколько минут... Лес *узнал*, принял и приветствовал меня... Я понял, что То Дерево нашло способ приветствовать старого знакомого, который, всё-таки, сумел вернуться и мысленно прикоснуться даже к тому, чего уже нет, чего может и не было. Мир нашел способ дать мне знать, что я услышан, замечен и, что самое невероятное, неуловимое, несказанное, а может – и несуществующее, встретилось со мной в *реальном* мире и подало мне *реальный* знак, ещё раз показав, что этот Мир – непостижим, прекрасен и, возможно, даже милосерден...

Миры

«*В доме Отца моего много обитателей есть*», – произнесла моя прабабушка и посмотрела на меня так, что я помню этот взгляд спустя более полувека... Эту строку из Писания она повторяла ещё не раз потом, и при этом её голос и взгляд были столь же значительны и серьёзны, и в них сквозила такая незыблемая твёрдость, какую трудно было представить в обыденной жизни... Сейчас я даже не могу вспомнить, по каким поводам прабабушка говорила эту фразу, однако, загадочная весомость этой строки осталась у меня на всю жизнь, и мне довелось не раз вспомнить её в самых разных обстоятельствах...

...Головная боль незаметно начиналась с утра и часто так усиливалась к вечеру, что я не мог пошевелиться, несмотря на принятый анальгин... Лишь поздно вечером, когда наступала прохлада и боль постепенно отпускала меня, я, лёжа на раскладушке под деревом, начинал всматриваться в ночное небо. Вспоминая фантастику, которую я к тому времени успел прочитать, я с удовольствием достраивал те далёкие космические миры, выдуманные литераторами. Мысленно я пытался вообразить обитаемые планеты, населённые необычайными разумными существами... Часто при этом я вспоминал сказанную прабабушкой цитату, которая отнюдь не противоречила научно-фантастическим новинкам XX века...

Однако скоро я стал убеждаться буквально на каждом шагу, что нет нужды искать другие миры в глубинах Космоса, так как они находятся совсем рядом...

В тот день я проводил испытания новой парусной лодки, которую долго делал вечерами всю зиму. Было очень интересно наблюдать послушное движение парусника при соответствующем положении парусов и руля... Я был заворочен результатом своей работы и почти не обратил внимания на подошедшего парня, жившего на дальнем конце посёлка, который что-то угрожающее пробормотал вроде «ты – чё?!...». Я только лишь успел заметить, что кулаки, свисавшие у него до колен, были размером с его голову... Точнее было бы сказать, что голова была размером не больше кулака... Но об этом я подумать уже не успел, потому что удар в лицо был такой силы, что я упал в воду. Когда я выбрался на берег, спросивший меня был уже далеко, так и не дождавшись ответа... Пока я дотащился до дома, половина лица уже успела поменять цвет, размер и форму... Другой мир оказался буквально на расстоянии протянутой руки с моим миром, столкнувшись с ним так убедительно, что следы столкновения оставались на лице ещё недели три...

А тем временем мне было очень неудобно и неловко перед дедом и бабушкой. Я увидел растерянность и беспомощность в глазах старенького дедушки, который в прежние годы казался мне всемогущим... Бабушка хлопотала, меняя холодный компресс на скуле, охала и ахала, повторяя на все лады известный женский способ избежать таких неприятностей: «А ты не связывайся с этим мальчиком!... Нужно было просто взять и отойти в сторону!... И не иметь с ним дела!...» – горячо убеждала она меня, переворачивая мокрую тряпку на лице.

И тут я понял, что передо мной открылся ещё один мир – мир бабушки, в котором, несмотря на весь её печальный опыт всего XX века, можно просто отойти на шаг от невоспитанного мальчика, чтобы жизнь снова стала безмятежной...

Годы спустя всё новые и новые миры открывались передо мной... Однажды я спустился в полутёмный подвал за какой-то хозяйственной мелочью и увидел двух паучков-сенокосцев. Самец исполнял удивительный танец перед самкой: на вытянутых ногах он совершал прихотливые движения, а передняя пара ног ритмично поднимались и опускались, отдалённо напоминая взмахи рук дирижёра... Самка же была явно смущена, не уверена в себе и не знала, куда деть четыре пары ног (или – рук?...). Зато самец испытывал восторг: вокруг не было ни кон-

курентов, ни хищников, никого, кто мог бы помешать. Я тоже, разумеется, не стал мешать этой паре: в жизни нечасто случаются подходящие условия, чтобы можно было сосредоточиться друг на друге и своих чувствах... А снаружи был яркий день, в школе по соседству начинался какой-то праздник. Дети суетились, учителя нервничали и переговаривались... Через небольшое окошко я мог наблюдать оба события одновременно.

Могли ли паучки-сенокосцы узнать и понять школьный праздник?... Могли ли школьники понять сенокосцев?...

Со временем я осознал, что число подобных миров, которые соседствуют друг с другом, неисчислимо... При этом было очевидно, что понять и почувствовать едва ли не всех их практически невозможно... Как понять мир людоеда с тропических островов, мир быка и не менее загадочный мир матадора, мир маньяка или святого, мир соседей – по дому, стране или континенту?... Двадцать лет я в мельчайших деталях изучал поведение муравьёв многих видов в группах и поодиночке, в природных условиях и в обстановке эксперимента в лаборатории... Но можно ли сказать, что я *понял их мир*???

Физики упиваются всё новыми и новыми моделями устройства нашей Вселенной. Одна из их последних догадок – это то, что параллельно существует несколько, много или даже множество Вселенных... Однако, не стоит удивляться, восхищаться или оспаривать эти предположения. Достаточно лишь задуматься, и к материальным мирам, о которых речь шла выше, прибавится необозримое число миров НЕматериальных... Языки, науки, искусство, религии, традиции – словом, все культуры, которые существуют и которые нам вполне известны.

Однако с некоторых пор я пытаюсь понять: как?... Как совершенно несоприкасающиеся, несмешивающиеся, невзаимодействующие, даже «незнающие» о существовании друг друга или, наоборот, активно-противодействующие друг другу миры – как они существуют, сосуществуют и не разносят вдребезги эту Вселенную, а зачастую, напротив, гармонично уравнивают, поддерживают, развивают и способствуют друг другу, сами того не подозревая?...

Именно с этими мыслями я, получив ключи от комнаты, медленно поднимался по узкой скрипучей деревянной лестнице с резными перилами в старом небольшом отеле в Дельфте. На стенах висели старинные картины и фарфоровые тарелки, на каждой из которых был подробно изображён свой мир, где трудолюбивые голландцы собирали урожай, делали сыр или веселились на деревенском празднике... Тёмный ковёр совершенно гасил звук моих шагов, и я полностью погрузился в свои мысли...

«Но ведь эти миры – вообще: люди, общества, культуры – могут не просто соседствовать рядом, но и... понимать друг друга!... – Но как?...» – я вертел эту мысль, поворачивая её в уме разными своими гранями... – «И есть ли что-то или кто-то, кто...», – в эту минуту я дошёл до своего номера, ключ похрустел в замочной скважине, и я вошёл в небольшую уютную комнату. Старинная обстановка действовала умиротворяюще...

«Интересно, а как будет по-английски *в доме Отца моего много обитателей есть?*» – продолжал я течение мысли...

Подойдя к окну и распахнув его, как книгу, я увидел кампус университета – современные здания и корпуса – ещё один мир, в который мне предстояло погрузиться назавтра... И, всё-таки, как же разные миры координируются друг с другом, связываются, отвечают друг другу? И как же эта фраза о многих мирах будет по-английски?...

В этот момент я наконец одёрнул себя, понимая, что пустое фантазёрство надо оставить: впереди встреча с коллегами в университете и следует настроиться на деловой лад. Я отошёл от окна, и взгляд упал на тумбочку у изголовья кровати. Рядом с ночником лежала толстая Библия в тёмном переплёте. Я знал это издание: тончайшая бумага и мелкий шрифт позволили

уместить в одном томе Писание на многих языках... Я механически взял в руки тяжёлую книгу и распахнул её наугад... Взгляд сразу и безошибочно упал на строку:

«In my Father's house are many mansions...»

(John, Chapter 14; 2)

Послушный Серёжа

Серёжу воспитывали две бабушки – столбовые дворянки, жившие где-то в центре Москвы и чудом уцелевшие в мясорубке двадцатого века... Родители мальчика почему-то всегда отсутствовали – то ли были в командировках, то ли оказывались на работе... Я видел Серёжу всего несколько раз. Это был круглолицый спокойный мальчик с тёмными прямыми волосами – таким он мне и запомнился.

Но в моей жизни он постоянно фигурировал в назидательных рассказах уже моей бабушки – тоже дворянки и подруги бабушек Серёжи. Мне подробно рассказывали какой способный и примерный был Серёжа. Он не болтал ногами, сидя за столом, не чавкал во время еды, не перебивал разговор старших, не клал локти на стол, не пачкал одежду, не ковырял в носу, не забывал говорить «спасибо» и «пожалуйста»...

Когда я садился за раскрашивание карандашами картинки и, вдруг обнаружив гораздо более интересную картинку, хотел переключиться на неё, мне говорили, что Серёже таких вольностей не позволяли: если ты начал раскрашивать одну картинку, то её надо закончить, а потом можно браться и за другую... То же самое касалось книг и всего остального. Порядок, аккуратность и дисциплина были основой жизни Серёжи.

Намазав кусок хлеба маслом, бабушка рассказывала, как обстояло дело у Серёжи. Проведя по намазанному куску ножом и сняв всё лишнее масло, бабушка показывала мне поверхность, на которой поблёскивали пятнышки масла в порах хлеба... Это доказывало воздержанность Серёжи и образцовую педагогическую стратегию его бабушек.

Шли годы... Мне сообщали о новых послушаниях и достижениях Серёжи... Он примерно занимался музыкой, французским языком и всем, что ему говорили.

Я понимал, что мне, конечно, далеко до образцового мальчика: что бы я ни делал, я всегда не дотягивал до Серёжи... Послушание и неукоснительное следование указаниям бабушек было залогом его успехов.

Но однажды – вскоре после окончания школы – он, как мне кажется, поступил по-своему, не послушавшись бабушек... По-моему, это было его первое и последнее непослушание... Утром, проснувшись, он сел на кровати и... умер.

Имя

В соседнем доме жила худенькая вертлявая девчонка с острыми коленками и коротким хвостиком волос на затылке. Девочку звали Марина. Она постоянно изобретала всяческие озорные выдумки. То она придумывала секретный язык... кашля, с помощью которого общалась с подругой-соседкой, то залезала на чердак, куда ей залезать запрещали, то, придя на пасеку, начинала интересоваться – можно ли помахать подолом платья перед летком улья без последствий... Моя бабушка относилась к Марине неодобрительно. Впрочем, бабушка относилась критически едва ли не ко всем девочкам, девушкам и женщинам. Марина была старше меня года на два или три, и дошкольника Колю оберегали от неужённой соседки. И, тем не менее, все выдумки и затеи Марины было интересно наблюдать через невысокий заборчик: то она сделала густую мыльную пену, посыпала её цветным порошком, а потом вся её одежда окрасилась и было невозможно её отстирать... То она делала гирлянды и венки, оборвав все цветы с клумбы... Шли годы... Марина, как мне казалось, не выросла и не росла, а просто вытягивалась: её озорство и выдумки не иссякали. И вот наступил выпускной 10-й класс, и она принесла из школы какую-то похвальную грамоту.

Все поздравляли Марину, передавая красивый лист из рук в руки. Я тоже посмотрел на яркую страницу... Каллиграфическим почерком было вписано её имя – Ольга... Я опешил: неужели ещё одна выдумка и шалость?!

– Нет-нет, всё правильно!.. – все окружающие закивали головами.

– Разве ты не знаешь? Марину-то на самом деле зовут Оля!...

С этим я столкнулся впервые. Действительно – девочку дома все звали Мариной, но официально – во всех бумагах и в школе она была Ольгой!... По правде говоря, в русской традиции я такого не встречал. Хотя... англичане мне часто жаловались, что им трудно читать и понимать русских авторов: один и тот же герой может быть Ваней, Ванюшей, Ванькой, Иван Ивановичем и просто Иваном...

Оля-Марина вскоре переехала, кажется, в центр города Сочи вместе семьёй... Мы встретились с ней ещё раз годы спустя, столкнувшись на остановке автобуса около Мацестинского виадука. Я сразу узнал её по чётко очерченной линии губ, чуть вздёрнутому носу и худощавой фигуре. Она тоже узнала меня... Мы только успели поздороваться и перекинуться парой ничего не значащих фраз, которые я даже не запомнил... Подошел автобус, я торопливо попрощался с Олей-Мариной, и мы расстались, похоже – навсегда.

В детстве я только лишь удивлялся проказам озорной девчонки, и, кажется, двойное имя оказалась последним её трюком... А сейчас я задумался – так кем же она была НА САМОМ ДЕЛЕ? Многие люди годами называли её выдуманным именем, а настоящее имя фигурировало где-то ещё... Впрочем... не всякое ли имя в сущности – выдуманное?! У разных народов существует множество традиций наречения именами. Есть двойные и тройные имена, есть тайные имена, есть прозвища, есть детские имена. В России приняты отчества. Фамилии, титулы, звания – всё это многоликие имена, которые люди присваивают себе и друг другу.

Чтобы хоть отчасти понять этот мир и себя, мы присваиваем имена всему, до чего можем дотянуться рукой, взглядом или умом. Однако мир меняется, человек часто ошибается, иногда – фантазирует, и имена приходится менять, дополнять, уточнять... Города меняют свои названия, девушки, выходя замуж, меняют фамилии, организации меняют свои вывески. Предметы и явления вдруг оказываются под другими наименованиями. Лонгшез становится шезлонгом, война называется миротворческой операцией, докладчик – спикером, творчество – креативностью, доярка – оператором машинного доения, а уборщица – техником по уборке помещений.

Я стал биологом. И в биологии есть целая область, которая всецело посвящена процессу наименования и уточнения названий живых существ. Систематики и таксономисты – а именно так называют биологов, которые работают в этой области – без усталости описывают новые виды, обнаруженные в природе и дают им имена. Зачастую приходится многократно переименовывать уже известные виды. Однако есть объекты, которые очень устойчивы в своих именах. Среди них, например – морская свинка: все прекрасно понимают, что она не морская и не свинка.

В других областях жизни человека и имён происходит то же самое. Танки в ряде стран именуется колесницами, а танковые войска – конницей. В современной армии *стреляют* из пистолетов, винтовок и пушек, хотя *стрел* уже давно никто не использует.

Человек силится не просто назвать, но ещё и уточнить название, чтобы утвердить достоверность, в которой он убедился сам и хочет окончательно убедить остальных. Ну разве не прекрасно, что биологи изобрели не только двойное название видов, например: ласточка городская, медведь гималайский, кедр ливанский и так далее, но и тройное название. Теперь человек может гордо носить не привычное название *Homo sapiens* (человек разумный), а *Homo sapiens sapiens*. С двукратной разумностью, конечно, жить гораздо легче и приятнее...

Меня зовут Николай Ростиславович Богатырёв. Интересно – а как меня зовут на самом деле?...

Нарисованная бездна

Жёлтая, странного вида лачуга на краю чернеющей бездны, чахлое деревце у того же обрыва, осыпающийся жёлтым песком край которого всё ещё держит и домик, и дерево... Всё это нарисовано на картинке размером не больше обычной открытки в строгой чёрно-золотой рамке на побелённой стене... И хотя мне всего лишь пять лет, я уже хорошо знаю от своей прабабушки – бабы Жени – что эта картина нарисована её сыном Боренькой, который умер в 14 лет очень давно в глухой горной деревне, отрезанной от всего мира и врачей... Когда баба Женя рассказывает о Бореньке, у неё краснеют глаза, дрожат голос и губы, и она начинает искать носовой платок...

Я перевожу взгляд с картинки на висящую рядом грубовато сделанную фаянсовую вещьцу – птичку, сидящую на виноградной грозди...

– А это что? – интересуюсь я впервые...

– Это мне Боренька подарил... – отвечает баба Женя...

Я осторожно-осторожно снимаю птичку с гвоздя, внимательно рассматриваю её и аккуратно вешаю обратно... Взгляд скользит по неровной белой стене и останавливается на коричневатой от времени фотографии в простой бронзовой рамке. На ней – четыре человека с чистыми спокойными лицами: молодая красавица – прабабушка, её муж – полковник и дети – дочь Нина (моя бабушка) и сын – Боренька. На фотографии тончайшим пером написано – 1916... Через год всё рухнет... Семья будет спасаться, переезжать с места на место, за них будет заступаться писатель В. Г. Короленко... В итоге все четверо окажутся в горной глуши, до которой гражданская война докатится уже позже и слабее, но и там она будет неотвратимо наносить невосполнимый урон...

Боренька тяжело заболел. Была зима. Глубина снега в тот год оказалась выше роста человека. До города, где можно было найти врача, было километров двадцать. Фельдшер, живший в деревне, не был уверен в диагнозе, и его предписания оказались ошибочны. Через три дня мальчик умер. Последние три ночи он видел необычные сны... «В первую ночь ему приснилась сорвавшаяся и упавшая икона...», – баба Женя комкает носовой платок и беспорядочно перекладывает его из руки в руку, на колени, на стол, снова берёт в руки...

«На следующую ночь ему приснилось, что он падает в бездну... Но он сумел зацепиться за ветку дерева...», – веки бабы Жени покраснели, и я понимаю, что она сейчас вот-вот заплачет. И мне становится невыносимо жалко её и жутко: ведь я твёрдо знаю, что плачут только лишь маленькие дети... «А в третью ночь он снова упал во сне в бездну и уже не смог ни за что зацепиться...», – прабабушка отворачивает лицо к окну, а я всматриваюсь в картинку, которая становится по-настоящему страшной: вот она – чернеющая бездна, и вот оно – слабое маленькое полузасохшее дерево... Я не сомневаюсь ни минуты, что Боренька упал именно в эту самую бездну...

Эта картина действовала на меня, как магнит, и я мог подолгу всматриваться в нехитрый пейзаж, нарисованный мальчиком, умершим в 14 лет... Я пытался представить себе падение в бездну и *само понятие* – бездна... Без дна... Значит... у этого ущелья вообще нет дна?! Как вообще такое возможно?...

– А что такое – бездна? – допытывался я у бабы Жени.

– Ну, это – пропасть... – отвечала прабабушка.

Это ещё страшнее – пропáсть... Это же значит – пропáсть!... Совсем... Окончательно!... И я принимался всматриваться в картину ещё пристальнее...

Вскоре, однако, мне довелось заочно «встретиться» с Боренькой и почувствовать одну из сторон бездны – неожиданно, непреднамеренно и незабываемо...

Бабушка вдруг стала хлопотать по непонятному делу, договариваться, назначать какие-то сроки и даты... В конце концов мы пошли в слесарные мастерские и отыскивали там Петра – бывшего ученика бабушки. Смуглый красавец-сварщик с проседью в чёрных волосах слушал очень внимательно и сочувственно. Разговор становился совсем непонятным и, наконец, появился клочок бумаги, на котором бабушка нарисовала необычную картинку – не то крест, не то качели... На концах этих «палок» оказались нарисованы по три кружочка...

А ещё через пару дней я оказался в микроавтобусе-УАЗике. Машина была забита людьми, некоторых из них я знал – это были Пётр и Андрей – братья погибшего на войне одного из моих дедов... В проходе между сиденьями оказался огромный православный крест, сваренный по эскизу бабушки. Всё было, как на её рисунке, даже загадочная косая перекладина, которая не переставала меня удивлять...

УАЗик тронулся с места и пополз в горы. Очень скоро асфальт закончился, началась брусчатка, которая перешла в гравийную дорогу, а та – в грунтовую колею. Машина переезжала ручейки, хрустела камнями и взбиралась всё выше в горы. Дорога становилась уже, деревья – ближе, лес – гуще и темнее... Шофёр всё время переключал скорости, беспрестанно двигая руками и ногами. Мотор ревел, казалось, из последних сил. Машина всё чаще двигалась по краю обрыва, и из-под колёс сыпались раскрошенная глина и жёлтый песок... Наконец измученный УАЗик остановился, упёршись в непроходимую стену из ежевики, кустов и деревьев. Несколько человек с топорами и лопатами вышли из машины, и вскоре уже оказалось возможно пройти в какое-то очень необычное место, где я никогда не был и прежде ничего подобного не видел... Повсюду были едва заметные холмики, густо заросшие травой и почти на каждом из них был ветхий крест, столбик или то, что от них осталось...

Очень скоро место расчистили полностью. К этому моменту я уже знал слова «кладбище», «могила», «надгробие» и понял, что здесь похоронен Боренька. Белый красивый крест вынули из УАЗика и установили на с трудом найденную могилу. На табличке тонкой кисточкой дядя Женя старательно написал всё, что полагалось. К этому моменту неподалеку появились, как по волшебству, стол и скамейки. Видимо, доски и колья, из которых всё это соорудили, были предусмотрительно взяты с собой... Работу быстро завершили, положив цветы у подножия креста, и людей охватило непонятное веселье. Громче всех за столом говорила и смеялась тётя Люда – крупная блондинка с острым носом, острым взглядом и острым языком... Она умерла вскоре – первой... За ней покинули этот мир и остальные.

Я оглянулся вокруг... Расчищенный кусочек земли находился в глубоком ущелье. Солнце двигалось очень быстро, и вскоре кладбище погрузилось в глубокую тень...

Тризна подходила к концу, люди улыбались и были веселы... Все были ещё живы...

Я догадался: мы были в бездне, в которую много лет назад упал во сне Боренька...

Прошло немного времени, и родители навестили меня и бабушку, у которой я гостил всё лето... Мы снова отправились в горы – недалеко от того самого кладбища и села, где долгие годы жили мои прабабушка, бабушка и их семьи. Взрослые захотели посмотреть удивительно красивые места в ущелье горной речки с названием, которое было одновременно страшным и... нестрашным – Змейка.

На этот раз мы добрались до места быстро. И снова кругом со всех сторон подступал густой тёмно-зелёный непроходимый лес... Было солнечно и жарко. Река бежала по камням, тонкими струями журчала среди папоротников, шумела каскадами и водопадами на уступах скал. Мы спустились по тропинке с дороги к самой воде. Песчаник крошился и осыпался из-под ног жёлтым песком. У самой воды мы нашли большую гладкую почти горизонтальную

каменную плиту, где расположились перекусить. Эта плита была такой длинной и гладкой, что казалась куском асфальтированной дороги. Вернувшись домой, переполненный впечатлениями, я с восторгом делился с бабушкой: «Мы были на Змейке, видели водопады и пообедали – *в бездне на асфальте!*...» Это выражение неожиданно очень понравилось всем взрослым – бабушке и совсем ещё молодым родителям... Они от души улыбались и были веселы... Все были ещё живы...

Я понял, что снова побывал в бездне, и что она может оказаться нестрашной...

С тех пор прошли десятилетия... Я часто слышал слово «бездна», которое каждый раз поворачивалось ко мне своей новой стороной – бездна познания и бездна невежества, бездна непонимания и бездна забвения, бездна радости и бездна отчаяния; бездна между мечтой и реальностью, между желанием и возможностью... Случалось, что детский ужас перед бесконечным падением в пропасть настигал неожиданно оттого, что надёжная многократно проверенная дорога, по которой только что шёл, уходила из-под ног, и я узнавал бездну по бесконечному падению... Однако, в конце концов этот ужас сменился привычкой к тому, что в любой момент твёрдая почва может начать внезапно крошиться и осыпаться под подошвами жёлтым песком... Но, удивительное дело, каким-то непостижимым образом каждый раз, упав в бездну, удавалось за что-то зацепиться и даже выбраться наружу...

Наверное, будет банальностью сравнить нашу повседневность с жизнью на краю пропасти или с падением в неё длиною в жизнь... Однако, многие задумывались над этим... И отшатнулись, коснувшись мыслью края...

М. В. Ломоносов:

Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Д. Мережковский:

И жизнь, как смерть необычайна...
Есть в мире здешнем – мир иной.
Есть ужас тот же, та же тайна —
И в свете дня, как в тьме ночной.
И смерть и жизнь – родные бездны;
Они подобны и равны,
Друг другу чужды и любезны,
Одна в другой отражены.

М. Ю. Лермонтов

Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

М. И. Цветаева

....Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну

С поверхности земли...

А вот Достоевский задавался вопросом – есть ли в аду потолок? Я же пытаюсь понять – есть ли в бездне... дно?...

Прошло ещё немного времени, каких-то неполных 60 лет, и я как-то свыкся с мыслью, что можно оказаться в любую минуту на краю бездны или судорожно зацепиться за что-то, упав в неё...

Сейчас, живя в XXI веке, когда уже всё объяснено или будет объяснено совсем скоро, где всё можно устроить и благоустроить, у меня тоже появилась своя простая, ясная, очевидно-бесспорная, всегда доступная, удобная, настоящая и – к тому же! – настольная бездна: песочные часы.

...Мне трудно оторвать взгляд от щепотки жёлтого песка в верхней колбе часов, которая тает на глазах... Нас приучили к мысли, что время необратимо и что его не вернуть! Но зато ведь мы многие вещи можем повторять! Я смотрю на жёлтый песок уже истекшего времени и переворачиваю нехитрый прибор снова и снова... Это можно произвольно проделать когда и сколько раз захочется... Но самое главное – *если захочется!*...

...Каждую ночь я проваливаюсь в бездну сна... Но каждое утро чья-то терпеливая рука переворачивает часы моей жизни, и время продолжает течь струйкой золотого песка... Всматриваясь в истекающее время в песочных часах, я догадываюсь, что и у этой бездны есть дно... Но – не будем торопить события...

А пока... Пока – я мысленно всё возвращаюсь в памяти к бабе Жене и пытаюсь представить себе ту бездну, в которой она оказалась, потеряв в гражданскую войну двоих детей, пережившая мужа, уцелевшая в мясорубке революций, войн, выселений, переселений, бегства и очутившаяся на исходе своих дней в маленькой тихой комнатке, на стене которой висят: фотография её семьи, фаянсовая птичка и картинка, которую нарисовал Боренька, однажды не сумевший во сне удержаться за ветки, упав в бездну...

Мосты

Мосты всегда вызывали у меня жгучий интерес и восхищение: они могли быть простыми дощечками через ручей и огромными сооружениями; быть железными, деревянными или бетонными; прочно стоять на земле или висеть на тросах... Всё это потрясает воображение, особенно в детстве. И в детстве же я повидал самые разные во всех отношениях мосты.

Самый грандиозный мост, который вызывал мой восторг, и от него захватывало дух, был колоссальный виадук через реку Мацесту у её впадения в Чёрное море. Ослепительно белый, искрящийся блёстками слюды, погруженный в густую зелень леса, он величаво перешагивал широкую долину гигантскими арками. Когда мы проезжали на стареньком мотоцикле под мостом, треск мотора многократно усиливался эхом, а громада моста нависала над нами... Всё лето вокруг моста неустанно сновали стрижи, с оглушительным криком прочерчивая на голубом небе и белом мосту незримые траектории. Ночью вдоль него горели фонари с высокими стеклянными плафонами, а сам мост подсвечивался прожекторами снизу. Этот мост можно было созерцать бесконечно.

Мост охраняли. Мне запомнился старый смуглый армянин в потрёпанной форме и огромной фуражке. За спиной у него была винтовка со штыком, которая казалась больше охранника. Он томился то от жары, то от холода и, конечно же, от скуки... Поэтому, видимо, он изредка заговаривал, в нарушение устава, с нами, когда мы с бабушкой и сестрой проходили мимо, спускаясь по длинной лестнице к морю. Он сторожил мост долгие годы, и мы, приезжая в те края, всякий раз здоровались с ним, иногда молча, лишь издали кивая друг другу. И только однажды мы оказались поблизости от него, и он, поздоровавшись, произнёс только одну фразу: «Ну-у-у, такой бабушке внуки должны золотой крест поставить!» – имея в виду, что бабушка действительно заботливо опекала нас с сестрой долгие годы и водила на море. Её любовь к внукам, конечно, была очевидна.

Уже минули десятилетия, как исчез с поста армянин-охранник, не стало и бабушки... А крест золотой так и не поставлен... Жизнь так развернулась, что я даже не знаю, где могила любимого человека, вложившего столько души в своих внуков...

Прошли годы... Я снова оказался в тех местах, но, когда увидел виадук, не поверил глазам: он был грязно-серого цвета, перила едва держались, кругом бушевал бурьян. Это были девяностые годы... Потом прошло ещё 30 лет... Город готовили к Олимпиаде, и виадук привели в порядок. Я снова увидел этот грандиозный мост. Но что-то он утратил... Впрочем, было понятно, что утратил что-то – я, а не мост... И, тем не менее, он уже не искрился пластинками слюды, как в прежние времена, лес вокруг поредел, а опоры оказались опутаны колючей проволокой и стальными заборами. Это производило впечатление пойманного и стреноженного зверя. Вместо парка и плантации роз, которые были прежде у его подножия, появилась огромная заасфальтированная плешина – автостоянка и, кажется, рынок. В общем, всё поменялось в соответствии с эпохой. Кто знает, может, придёт время, и виадук снова приобретёт свой прежний вид?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.